

В ОЧЕРЕДИ

РАССКАЗ

ЭТОГО человека я видел один раз в моем детстве, но в памяти он остался навсегда. Небритое, с квадратным подбородком лицо. Морщинистый лоб и мрачный, тяжелый взгляд. В руке — толстая бамбуковая трость. Я вижу, как он уходит в конец очереди своей нелегкой и грузной походкой. Я не слышал его голоса. Но мне он представляется низким, глуховатым и добрым.

Случилось это в военную пору, когда мы, пацаны, внутренние считали себя взрослыми и мысленно были там, на войне, куда ушли наши отцы.

Больше всего я водился с Петькой Кондрашкиным, Жоркой Климовым, Колькой Рондюком и Ванькой Коломлятовым. Мы встречались у железнодорожного полотна. Мы проносились поезда, разрывающиеся в пути, пропыленные и усталые. Под их тяжестью прогибались матово свер-

кающие рельсы вместе с темными шпалами, гудела под ногами земля, будто жаловалась на свою горькую участь.

Мы всякий раз прекращали наши споры и разговоры, когда проносился очередной состав. На запад шли составы чаще. На платформах под брезентом угадывались орудия, танки, самолеты. На восток везли изуродованную, обожженную военную технику. Мелькала перед глазами свастика. И мы теряли свою степенность, мигом хватились насыпи гальки и со злобством швыряли в железное отребье.

А когда проходили вагоны с солдатами, мы неистово кричали «ура», прыгали от радости. Солдаты махали нам руками, одаривали мимолетными улыбочками.

И не сразу, когда уйдет в знойную даль поезд, мы начинали заниматься своими делами. А их было немало: со-

ставляли план набега на совхозный сад, на пруд, где водились мелкие караси-пятки, хвалились свинцовыми битами или подсчитывали выигранных бабок.

Неизменным оставалось одно. Мы с вечера занимали очередь в «белом магазине». Дом был каменный, и цвет у него скорей всего серый с коричневыми плешинами, но все его называли белым по старой памяти.

Моя мать, как и другие матери, чуть ли не круглые сутки находилась на стройке. Если мы не забывались за игрой в бабки, приходили к магазину засветло или в засилье сумерки. Я и сейчас отчетливо помню крохотное окошечко, через которое принимали хлеб, а потом его отпускали по карточкам. Окошечко было овеяно такой глубиной тайной, что мы подходили к нему с замирающим сердцем, как к причастию.

Тощая высокая старуха с тонким визгливым голосом торжественно проходила вдоль очереди и, смачно сляпывая химический карандаш, ставила каждому на руке номер по порядку. Старуху никто не уполномочивал на это. Видимо, по собственной инициативе она ежедневно за-

нималась нелегким и нудным делом.

На моей руке в тот раз стояла цифра «263». Теперь можно быть спокойным, и я выскользнул из очереди.

Приближалась вторая осень войны. Вечерами становилось студено. И нам приходилось тутовато в поношенных рубашонках и штанах с большими «глазами» на коленях и заду. Особенно стыли мы ногами. К нашей партии подсаживались пацаны из других бараков.

Мы прятались за крохотной засыпкой, в которой ночевал сторож, низенький, шустрый старикашка, прозванный нами за постоянную ненависть к пацанам и за всегда покрытое грязно-желтой порослью лицо, «фрицем». А он, зная об этом, платил еще большей злобой. Приходит он поздно, снимал с двери ржавый замок, входил в засыпку, а потом неожиданно выбегал со старым ружьишком с расколотым и связанным медной проволокой ложем, гнал нас от забушки, крича:

— Все стены расколупали, негодники. Спать стыло, негодники.

(Окончание на 4-й стр.)

ЛЕНИНСКИЙ ШАХТЁР

4 СТРАНИ

В ОЧЕРЕДИ

РАССКАЗ

(Оконч. Нач. на 3-й стр.)

Мы бегали, смеялись и забывали на время о холоде. Затем старик затихал на своем топчане, а мы возвращались на облюбованное место. Объединял нас не только холод, но и разговоры о войне. Заводилой был Жорка. Его отец — летчик. Мы видели его фотографии, которые он присылал с фронта в первые дни войны. Жорка рассказывал удивительные истории. То, как его отец посадил на наш аэродром сразу четыре «мессершмита», то, как он с воздуха уничтожил половину немецкой армии и, если бы ему хватило снарядов, то уже не было бы войны. И было бы достать хлеба.

Милый мой друг Жорка, и каню же надо было иметь силу воли в твоём возрасте, чтобы, перехватив у почтальона похоронку, прятать её от матери и придумывать вечерами истории, что происходили с твоим отцом, одна удивительней другой. Позднее ты мне показывал эту похоронку. Это случилось, ко-

гда мы с тобой учились в фэзушке... Она хранилась в теля в жестяной коробке из-под тушенки, под забором у дровяного склада. Поэтому ты и сидел там подолгу.

В эту ночь Жорка, как обычно, рассказывал об отце. Читал письма своих отцов и мы, Моросил мелкий дождь. Слабо стался низовой, по осеннему холодный ветер. Мы жались, экономя тепло в своих костлявых телах, но это мало помогало. Радовались, когда проводилась проверка очереди. Все-таки грелись.

Появлялась тощая старуха и выкрикивала:

— А ну, становись! Ладонь покажь, ладошь! Так...

Дождь не унимался до утра.

Хлеб привезли в половине шестого. Из-за угла городской бани показались хлебные повозки. Их тянули унылые коротконогие лошади. На облучках сидели женщины. Но мы к ним не притягивались. Мы с жадностью вытягивали неожиданно потеплевший, сытый, духовитый

воздух. Рот заплывал слюной, слезывая ее, мы отворачивались друг от друга, скрывая глаза. Внутри все подгибалось, и ощущение голода наватывалось новой волной, режущей, сосущей.

Я кинулся искать свое место в очереди. Мне хорошо помнилась цифра «263». Будто бы здесь. Стараясь втиснуться. Впереди меня в облачной цигейковой шубке узкая спица. Кто-то просит показать номер. Но, к моему ужасу, на руке ничего нет. Как-то незаметно, в непогодь, карандашная отметка исчезла. Грубо оттолкнули. Мол, хотел пролезть, но ничего не выйдет. Тут люди бдительные.

— Да у меня очередь, тетенька... Моя здесь очередь... Стерлась... 263...

Ничу защиты у других женщин, но мне не верят. Уже слишком часто ребята пытались пролезть без очереди. К горькой обиде примешиваются горькие мысли: что же я понесу матери на обед? Кроме хлеба, есть нечего. Она будет ждать, как всегда. Устала, с серыми натруженными от тяжелой работы руками. Будет сидеть и поглядывать на дорогу, не появлюсь ли я. О трепке совершенно не думалось. Еще несколько раз пытаюсь восстановить свои права. Напрасно. Слезы давно обжигают щеки. Не могу удержаться от рыданий.

Мои друзья обступили меня. Стараясь помочь, но не могут. Очередь по-прежнему безмолвствует. Я чувствую себя совсем маленьким и бессильным перед большой и тяжело молчаливой очередью. А из повозки уже давно вылетают булки хлеба и исчезают в заветном окошечке. И тянет от них жадно-вкусным запахом.

Не брать хлеба — значит беда... Ко мне подошел Жорка, за ним вплотную приблизился Петька Кондрашкин. Тот и другой хмуро смотрели на женщин. Давая за меня обиду, они просили:

— У него отец воюет. Мать на стройке... Хлеб нести надо. Была очередь...

В это время и вышел из очереди тот человек. Лицо теплое, с синими крапинками и замкнутое. Молча подошел ко мне, взял за шиворот, провел куда-то вперед и поставил в свою очередь. Никто рядом не проронил ни слова. Я только и успел рассмотреть сквозь слезы в его глазах добрую боль и то, что он был с тростью и хромал. Он молча зашагал к концу очереди, и я потерял его из виду. И еще помню на его порывистой гимнастерке две белевские медали. Меня подтолкнули. Я, приподняв на цыпочки и проткнул карточки в окошечко.

П. ШМАКОВ.